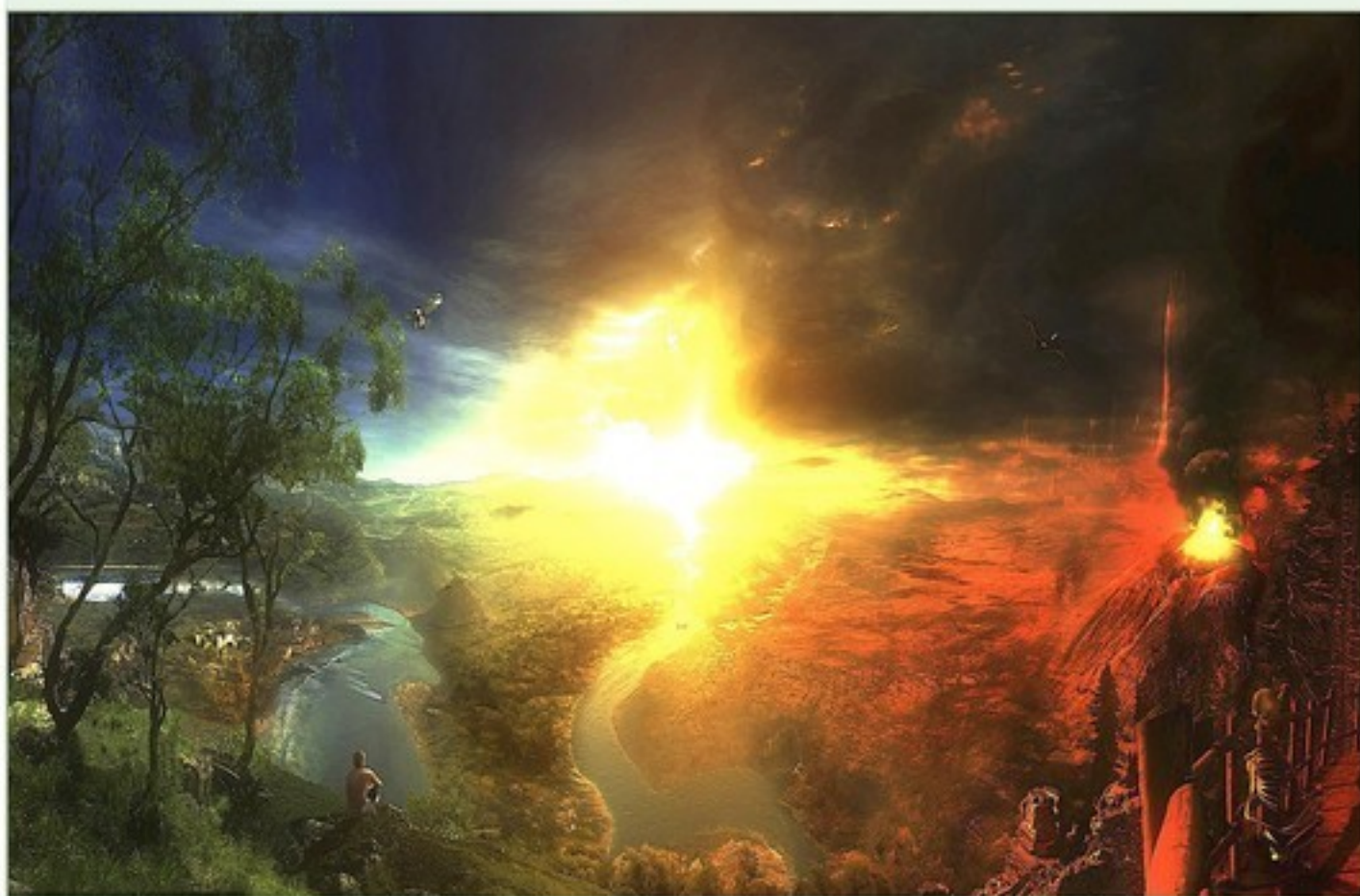

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

ТЬМА БЫВАЕТ И В ПОЛДЕНЬ

Инфернальная реальность

Издательство СИЛК-ПРЕСС,

г. МОСКВА 2017

Илья Деревянко

Инфернальная реальность

«СИЛК-ПРЕСС»

1999

Дервянко И.

Инфернальная реальность / И. Дервянко — «СИЛК-ПРЕСС»,
1999

анно новое

© Дервянко И., 1999
© СИЛК-ПРЕСС, 1999

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Илья Деревянко

Инфернальная реальность

Пролог

Безногий тридцатидвухлетний инвалид бессильно плакал, уткнувшись лицом в ладони. Он неловко примостился на высоком деревянном стуле за уставленным пустыми бутылками и тарелками со скромной закуской столом.

– Оленьку убили, убили! – сквозь слезы выдавливал он. – Сестра не могла покончить с собой! Ее довели! Вынудили!

– Ты уверен, Саша? – с сомнением в голосе спросил сидевший напротив крепкий голубоглазый двадцатичетырехлетний парень с коротко подстриженными темными волосами и абсолютно седыми висками.

– Да, Володя, да! На теле было множество ссадин, синяков, кровоподтеков!

– Как же объяснили их происхождение врачи?

– Да никак! – Инвалид длинно выругался. – Набрехали, будто она сама себя изувечила! В припадке! Сучары поганые! И ни хрена не докажешь. Кругом сплошная мразь! Давить их надо, как чеченов!

– Чеченов нам тоже добить не дали! – грустно усмехнулся голубоглазый. – А ведь немного оставалось!

Безногого звали Александр Свиридов, а голубоглазого – Владимир Ермолов. Оба они в недалеком прошлом служили в спецназе ГРУ и полтора года провоевали в Чечне. Ермолов будучи сержантом срочной службы, а капитан Свиридов в качестве командира разведроты. В феврале 1996 года Свиридов спас Ермолову жизнь, вытащив его, оглушенного взрывной волной, из-под огня, а спустя несколько месяцев, как раз в день подписания Лебедем предательского Хасавюртовского соглашения, сам едва не погиб, подорвавшись на чеченской мине. Врачи сумели спасти капитану жизнь, однако ноги пришлось ампутировать выше колен. Речь шла о младшей сестре Свиридова, положенной на обследование в психоневрологический диспансер № 3. Попав в дорожно-транспортное происшествие, Ольга получила серьезную травму головы. Через месяц после выписки из больницы у девушки начались страшные головные боли, провалы в памяти... Иногда возникали галлюцинации. Родственники сочли за лучшее прибегнуть к услугам психиатров, истратив последние сбережения на оплату лечения и отдельную палату. А неделю назад им сообщили – Ольга покончила с собой, повесившись на батарее парового отопления.

С тех пор Александр запил по-черному и в настоящий момент выглядел ужасно! Опухшее, сизое лицо, безумный взгляд, трясущиеся руки...

Владимир с жалостью смотрел на бывшего командира. Он помнил капитана совсем иным: мужественным, волевым, энергичным человеком...

– Тебе нужны деньги? – попытался сменить тему разговора Ермолов. – Если что – не стесняйся! У меня имеется пара штук баксов в записке...

– Перестань! – отмахнулся Свиридов. – Ребята, дай Бог им здоровья, устроили на канцелярскую работу в Министерство обороны... С голоду не помру.

Искалеченный капитан наполнил стакан до краев водкой и не поморщившись выпил словно воду.

– Эх, найти бы сволочь, сгубившую сестренку! – тяжело вздохнул он.

– Знаешь, Саша, – вдруг встрепенулся Ермолов, – у меня появилась идея! Я, как ты знаешь, учусь на втором курсе медицинского института и могу попытаться устроиться санитаром

в тот дурдом. На подработку якобы. Там на месте и разберусь в ситуации. Если Ольгу действительно довели до самоубийства, я вычислю виновников.

Взгляд Свиридова прояснился.

– Ради Христа, Володя! – взмолился он. – Найди мне эту пададь! Поклянись, что найдешь!

– Клянусь! – твердо сказал Ермолов.

Глава 1

– Послушай, Максим! – Отец снял пенсне и со смущенным видом принялся протирать его носовым платком. – Вот ты сам говоришь, что кое-кто свихнулся над этими проблемами. А ты знаешь, что есть еще такое религиозное помешательство. Может быть, на тебя слишком подействовали эти твои книги про нечистую силу... Если хочешь – у меня есть один знакомый психиатр.

Доктор социальных наук презрительно фыркнул:

– Если к кому применительна поговорка «Врачу, исцелися сам», то в первую очередь это относится к психиатрам. Ведь многие психиатры становятся психиатрами, чтобы быть поближе к собственной среде... Ты лучше пошли этого психиатра ко мне. Я скорее найду у него что-нибудь такое, ненормальное.

Григорий Климов. Князь мира сего

– К вам посетитель, Зиновий Михайлович, – почтительно доложила дежурная медсестра. – Говорит, срочное личное дело!

– Пусть катится к чертовой матери! Не видишь, дура?! Занят я! – не удосужившись обернуться, утробно гавкнул заместитель главного врача по лечебной части психиатрической больницы № 3 г. Н-ска¹ кандидат медицинских наук Кудряшкин – темноволосый бородатый обрюзгший мужчина лет сорока пяти с наглыми маслянистыми глазами навывкате. Поведение Зиновия Михайловича объяснялось не только природным хамством. Два часа назад с треском провалилась блестяще задуманная комбинация, проводимая совместно с начальником местного ОВД полковником Бодряковым Василием Сидоровичем и сулившая Кудряшкину солидные финансовые дивиденды. «Стражи порядка» под чутким руководством вышеозначенного Василия Сидоровича усердно стряпали уголовное дело с целым «букетом» статей (вымогательство, разбой, незаконное хранение огнестрельного оружия и т. д. и т. п.) на некоего гражданина Рудакова Вадима Игоревича, тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения. Серьезных доказательств у них не было (отсутствовали даже отпечатки пальцев на изъятом без участия понятых пистолете), колоться Рудаков не собирался, а адвокат его (в прошлом сотрудник Генеральной прокуратуры СССР), в совершенстве знавший законы, отличался бульдожьей хваткой и свирепым характером. Задействовав старые связи плюс собственный богатый опыт «прессования ментов», он уже «скушал», не поперхнувшись, одного за другим двух следователей; запугал до полусмерти районного прокурора и в настоящий момент примеривался сожрать начальника оперативно-следственной части, а затем, возможно, самого полковника. Благо зацепок хватало с избытком. Милиция Петровского района погрязла в коррупции. А зловерный адвокатик умел собирать компромат. В результате изменить меру пресечения Рудакову с подписки о невыезде на арест ну никак не получалось, хотя очень хотелось! Более того, у Бодрякова имелись веские основания полагать, что запихнуть Вадима за решетку по-любому не удастся. Либо адвокат развалит дело до суда, либо суд оправдает обвиняемого ввиду отсутствия состава преступления или за недостаточностью улик. Между тем дело Рудакова было не простое, а «казачье». Кое-кому он давно стоял поперек горла. Пытались убить – не получилось, а повторно рисковать не стали. Слишком сильно засветились по первому. Решили поступить иначе, используя в качестве орудия расправы хитровывернутые внутренние органы Российской Федерации, в насмешку названные «правоохранительными». Короче, вручили полков-

---

¹ Все названия городов, районов, лечебных заведений, печатных органов и т. д., а также имена главных действующих лиц в повести изменены. Любые совпадения – случайны.

нику Бодрякову «задаток» да строго-настрого наказали: «В лепешку расшибись, но упрячь гада подальше. В противном случае возникнет множество осложнений, в том числе у тебя». Ссориться с этими «кое-кем» Василию Сидоровичу ни в коем разе не хотелось, и он, убедившись в бесплодности собственной воузлищной² деятельности, посулил своему давнему знакомцу Кудряшкину «долю малую», если тот сумеет запереть Вадима в дурдом.

Подследственного направили на амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу в ПНД № 3³. Комиссию возглавил лично Зиновий Михайлович. Сделать ему предстояло следующее: руганью и оскорблениями довести парня до белого каления, спровоцировать на ответную грубость и, дождавшись оной, отметить в диагнозе: «В поведении присутствуют элементы невменяемости. Гражданин такой-то представляет непосредственную опасность для окружающих», после чего на основании статьи 29 «Закона Российской Федерации о психиатрической помощи и гарантии прав граждан при ее оказании. Приказ № 245 Минздрава РФ от 2.09.1992» с «чистой» совестью положить Рудакова в свою больницу⁴, в так называемое «Острое отделение» для буйных, а там... там держать сколько скажут. Периодически записывая в истории болезни: «Улучшений нет... улучшений нет... улучшений нет...» Простенько и со вкусом, однако ничего не получилось. Подследственный, вероятно проинструктированный адвокатом, сохранял олимпийское спокойствие, на выпады Кудряшкина не реагировал и в конечном итоге довел заместителя главного врача до такого состояния, что Зиновию Михайловичу самому было в пору клеить ярлык «Опасен для окружающих».

– Убирайся отсюда! – промучившись с Рудаковым без малого час, возопил психиатр. – Вон! Вон! Вон!

– Всего хорошего, – мило улыбнулся парень, направляясь к двери, и, уже стоя на пороге, с тщательно замаскированным сарказмом добавил: – Приятно было пообщаться со столь вежливыми, интеллигентными людьми. Надеюсь, мы еще встретимся с вами... в опере, например, или в Третьяковской галерее...

Последние слова Рудакова Кудряшкин сперва воспринял просто как издевательство, изрыгнув в пустоту поток грязных ругательств, но потом, успокоившись, вспомнил волчьи огоньки, на долю секунды сверкнувшие в серых глазах подследственного, и не на шутку переполошился: «Черт его знает! Вдруг подстережет где-нибудь в темной подворотне?! Надыбал на свою жопу приключений! Мать-перемать!»

...Бодряков, узнав о неудаче, обложил Зиновия Михайловича многоэтажным матом, пообещав напоследок: «Я те, мудак бородатый, этого ни в жисть не забуду! У-у-у, козел! Попадись мне только!»

«Доля малая» заместителю главврача, естественно, больше не светила. Данное обстоятельство усугубило без того отвратительное настроение психиатра, страстно любившего деньги, особенно зеленого цвета. Нет, зарабатывал он, в отличие от подавляющего большинства российских медиков, отнюдь неплохо – хапал взятки налево-направо; вместе с верхушкой больницы (главврачом, заместителем главврача по хозяйственной работе и главным бухгалтером) снимал сливки с выплат медстраха, оставляя остальному медперсоналу жалкие крохи, приторговывал краденными лекарствами (в основном антидепрессантами, пользующимися определенным спросом у наркоманов); имел кое-какой навар с платных больных, размещенных в отдельных комфортабельных палатах, но... Чем больше получал Кудряшкин, тем больше и нестерпимее ему хотелось получить еще, еще, еще! Патология-с! Своеобразный «финансовый алкоголизм» в запущенной форме...

² Воузлищной деятельности – деятельности, имеющей цель заключить человека в узилище, т. е. в тюрьму.

³ Психоневрологический диспансер.

⁴ Принудительное лечение в специальных психиатрических лечебницах тюремного типа возможно только по приговору суда.

– Зиновий Михайлович! – В кабинет снова заглянула медсестра. – Посетитель настаивает на встрече. Говорит, что пришел по рекомендации Андрея Владиславовича Зайцева.

Разъяренный психиатр схватил со стола жестяную пепельницу, намереваясь запулить сим предметом в башку надоедливой, безмозглой бабы. Однако, услышав про Зайцева, мгновенно остыл и даже повеселел.

– Впускай! – разрешил он.

Полгода назад Андрей Владиславович – начальник районного жэка, приятель и собутыльник Зиновия Михайловича, порекомендовал ему клиента, на котором Кудряшкин сделал немалые бабки, и ежели дельце намечается аналогичное, а скорее всего так оно и есть, то... Гм! Можно малость «подхарчиться», возместить утраченные по вине проклятого Рудаква барыши!

Психиатр расплылся в хищной предвкушающей улыбке. В кабинет бочком проник пузатый кривоногий субъект на вид лет сорока, физиономией смахивающий на известного телеведущего Евгения Киселева, но с козлиной бороденкой в придачу.

– Кадыков Николай Андреевич, – кашлянув, представился он. – Журналист. Сотрудник газеты «Ныне».

– Рад познакомиться, – любезно кивнул заместитель главного врача. – Присаживайтесь, Николай э-э-э... Андреевич. Итак, чем могу служить?

Воровато озираясь по сторонам, Кадыков начал пространный рассказ, суть которого сводилась к следующему. Он вместе с женой Людмилой занимал две комнаты коммунальной квартиры в добротном кирпичном доме с высокими потолками. Дом считался престижным, и вся квартира стоила порядка девяноста-ста тысяч долларов США. Но вот беда! В третьей комнате коммуналки проживал одинокий семидесятисемилетний пенсионер по фамилии Куницын. Невзирая на запущенную гипертоническую болезнь и полученную на фронтах Великой Отечественной контузию, старикашка упорно не желал помереть и освободить жилплощадь в пользу супругов Кадыковых, давно мечтающих об отдельной квартире и евроремонте.

Николай Андреевич выжидательно замолчал.

– Тэк-тэк-тэк! – хитро прищурился психиатр, постукивая кончиками ногтей по столу. – Тэк-тэк-тэк. И чего вы, уважаемый господин журналист, от меня хотите?

– Зайцев... уверял... можно... решить проблему... если договориться, – стушевавшись, промямлил сотрудник газеты «Ныне».

– Правильно, если договориться! – с нажимом повторил Кудряшкин, заговорщицки подмигивая левым глазом.

– Сколько?! – воспрянул духом Кадыков.

Зиновий Михайлович грузно поднялся, на цыпочках подкрался к двери, выглянул в коридор, вернувшись к столу, быстро написал на клочке бумаги: «Три тысячи долларов. Деньги вперед!», продемонстрировал написанное журналисту и поднес бумажку к огоньку зажигалки.

В знак согласия Николай Андреевич часто закивал головой, как китайский болванчик.

– Насколько я понял, ваш сосед буйный псих, представляющий опасность для окружающих и нуждающийся в принудительном лечении, – вслух произнес заместитель главного врача. – Он угрожал вам убийством?!

– Да, да! С ножом бросался! – на лету подхватил мысль Кадыков. – И на меня, и на жену. Чудом смерти избежали!

– Пишите заявление, – важно распорядился Зиновий Михайлович. – Подвергнем буяна обследованию!

– Успех гарантируете? – шепотом спросил журналист.

Психиатр утвердительно опустил веки.

Внезапно лицо Николая Андреевича выразило некоторое сомнение, плавно переходящее в серьезную озабоченность. «Комната перейдет к нам лишь в случае смерти старика!» – нако-
рыбал он на вырванном из миниатюрного блокнота листочке.

– Не беспокойтесь! – снисходительно усмехнулся Кудряшкин, старательно сжигая
записку над пепельницей. – Срок неделя, максимум полторы.

– Я схожу за... – начал сотрудник газеты «Ныне».

– Понятно. Понятно! – перебил психиатр. – Встретимся здесь же через два часа...

Спрятав в карман пиджака кадыковские три тысячи долларов и отправив пенсио-
неру срочный вызов «на обследование», Зиновий Михайлович удовлетворенно потер ладони.
Задача избавить клиента «законным» образом от не в меру зажившегося на свете соседа не
представлялась ему особенно сложной. Старый, контуженный человек – не чета молодому
хладнокровному амбалу Рудакову. Он не вынесет хамства психиатра, неминуемо сорвется, и
заключение «Опасен для окружающих», считай, в кармане. Плюс показания соседей. Ажур!
Не подкопаешься! А в «остром отделении» старый гипертоник долго не протянет! Господин
Кудряшкин, получивший при выпуске из медицинского института диплом терапевта⁵, отлично
разбирался в подобных вещах.

Он знал – основным симптомом гипертонической болезни является постоянное или
почти постоянное повышение артериального давления. В ответ на психоэмоциональные пере-
грузки, артериальное давление у гипертоников поднимается все выше, выше, выше и в конеч-
ном счете приводит к смерти. А уж психоэмоциональные перегрузки причем мощные, регу-
лярные, психиатр пенсионеру гарантировал. «Острое отделение» ПНД № 3 то еще местечко!
На худой конец есть и другие способы. Беспроегрышные! Зиновий Михайлович взглянул на
часы: половина седьмого. Рабочий день закончен. Пойти домой? Выпить водки? Внезапно,
как бывало уже несчетное множество раз, настроение психиатра резко изменилось, приоб-
рело злобный оттенок. Появились внутреннее недовольство, неустроенность. Руки затряслись.
Тело покрылось зловонным, липким потом. Одновременно он ощутил вполне определенные
позывы.

«Тягун⁶, – подумал Кудряшкин. – Мне необходимо разрядиться! Ну это запросто! Далеко
ходить не надо!»

Губы кандидата медицинских наук растянулись в сальной, скабрезной ухмылке...

---

⁵ Большинство советских медицинских вузов выпускали врачей трех широких профилей: терапевт, хирург и акушер-гине-
колог. Специализация (для Кудряшкина в области психиатрии) происходила уже после окончания института, например, в
ординатуре или на специальных курсах.

⁶ Выраженное половое возбуждение.

Глава 2

Светлану Журавлеву, двадцатилетнюю, начинающую поэтессу, привезли в ПНД № 3 29 октября 1998 года в четверг рано утром после неудачной попытки самоубийства. Девушку лично осмотрел заместитель главного врача по лечебной части, поставил предварительный диагноз «Маниакально-депрессивный психоз» и, загадочно подмигнув, отправил в отдельную палату. Светланиной матери он выписал рецепты на транквилизаторы, антидепрессанты, эуноктин⁷ и соли лития⁸, повелев раздобыть их самостоятельно. У больницы, дескать, нет ни средств, ни возможностей... Мать ушла глубоко озабоченной – в период экономического кризиса аптеки катастрофически опустели, не говоря уже о скакнувших вверх ценах. Санитары сноровисто привязали пациентку к койке. Этим лечение и ограничилось. Правда, Светлана была очень благодарна бородатому заму за отдельную палату. Перспектива очутиться в общем отсеке «Острого отделения», до отказа забитого буйными, неряшливыми, агрессивными личностями, приводила ее в содрогание. Весь день Журавлева провела в мучительной тоске и сочинила в уме стихи, вполне соответствующие угнетенному душевному состоянию юной поэтессы.

Я видела город Он гол и сыр. Я видела – в городе все не так! А я, я хотела спасти весь мир Но, видит Боже, не знала как!⁹

В обед принесли скверно пахнувший суп, судя по внешнему виду сваренный из объедков недельной давности. Девушка от еды наотрез отказалась, но не по причине брезгливости. Ей просто не хотелось ни есть, ни пить, ни дышать, ни чувствовать... Время от времени Журавлева принималась тихонько плакать, вздрагивая привязанным телом. Наконец наступил вечер. Зарешеченное окно потемнело. Под потолком вспыхнула яркая лампочка без абажура, слепившая глаза.

– Убавьте свет, пожалуйста! – неизвестно к кому обращаясь, слабым голосом попросила девушка. Никто не отозвался. Время шло, лампочка светила. Глаза болели все сильнее. Неожиданно дверь отворилась. В палате появился бородатый заместитель главного врача. Зрачки его лихорадочно блуждали. Низкий лоб блестел от пота.

– Убавьте, пожалуйста, свет, – взмолилась Журавлева.

Кудряшкин оскалил в похотливой гримасе прокуренные желтые зубы, запер дверь на ключ и начал торопливо раздеваться...

Зиновий Михайлович защитил кандидатскую диссертацию по теме «Вопросы диагностики при психических болезнях» и потому знал, что склонен к парафилии¹⁰. Однако психиатр не считал себя ненормальным. В голове у него прочно засела цитата из одного солидного медицинского труда: «Зачастую действия лиц с парафилиями становятся для них не только способом удовлетворения сексуальной потребности, но и своеобразным способом собственной эмоциональной регуляции»¹¹. Необходимо отметить, что цитату Кудряшкин слегка видоиз-

---

⁷ Разновидность снотворного.

⁸ Применяются как для лечения в период приступов, так и для профилактики. Наиболее эффективны в качестве предупреждающего средства против маниакальных состояний.

⁹ Эти стихи действительно написаны пациенткой психиатрической клиники. Цит. по: Рослова Л.Г. Учебно-методическое пособие по психиатрии. М., 1994, с.180.

¹⁰ Парафилия – термин, означающий различные формы отклоняющегося сексуального влечения, которое приводит к поведению, противоречащему нормам половой морали. Сутью парафилии является использование в качестве стимулов сексуального возбуждения прежде всего моральных и социальных запретов, что, в свою очередь, тесно связано с нарушением уголовно-правовых норм.

¹¹ Ю.М. Антонян, А.А. Ткаченко. Сексуальные преступления. М., 1993, с.41.

менил, опустив концовку, где шла речь о «неудовлетворительном психическом состоянии». В общем, привел в удобную для себя форму.

«Я не такой, как другие! Не стереотип! Мне нужна эмоциональная регуляция. Вот и все!» – высокопарно размышлял на досуге психиатр. В ПНД № 3 заместитель главного врача по лечебной части имел неограниченные возможности для безопасного, в смысле уголовной ответственности, удовлетворения своих извращенных наклонностей. Он заранее подбирал приглянувшуюся ему больную, помещал в отдельную палату. Ощувив очередной прилив желания, Кудряшкин являлся туда вечером или ночью, запирали дверь, подобно взбесившейся обезьяне набрасывался на беспомощную женщину, насиловал (преимущественно в извращенной форме), душил, бил, харкал в лицо, получая от процесса издевательства особое удовольствие. Ни малейшего раскаяния он впоследствии не испытывал, а разоблачения не боялся. Кто поверит бредням сумасшедшей?! Симпатичную светловолосую девушку, вскрывшую на руках вены, но вовремя остановленную родителями, психиатр заприметил сегодня утром и сразу уготовил ей роль «самки» (так Зиновий Михайлович именовал своих жертв)... «Самка» (Журавлева, кажется) была привязана к кровати и первым делом попросила (вот дура безмозглая) убавить свет. Глаза, наверное, разболелись.

– Свет, говоришь? – прошипел кандидат медицинских наук, спуская штаны. – Ага! Щас! Спешу и падаю!

Он враскорячку протопал к кровати, быстро распутал веревки и, блаженно прижмурившись, с размаху ударил девушку кулаком в живот...

Удовлетворенный психиатр медленно одевался. Голая, скорчившаяся на койке Светлана захлебывалась в рыданиях.

– Не хнычь, сучка! – лениво бросил Кудряшкин, мельком взглянув на больную. – И ябедничать не пытайся! Тебе все равно никто не поверит!

– Мразь! – выкрикнула измученная девушка. – Выродок! Садист!

– Ах так?! – окрылся Зиновий Михайлович. – Ну я тебя, блядугу, проучу! Сульфазинчик не пробовала, голуба? Ща-ас, по-о-опробуешь! Небо, мать твою, с овчинку покажется!

Ловкими, профессионально-отработанными движениями он снова прикрутил Журавлеву к койке, отпер дверь и, выглянув в коридор, громогласно позвал медсестру.

– Сульфазинотерапия! – коротко приказал Кудряшкин явившейся на зов начальства пожилой крашенной под блондинку тетке с раздутой от беспробудного пьянства физиономией. – Чего вытираешься, кобыла! Мне виднее¹²!

Тело звенело от боли. Мысли путались. Руки-ноги сводило судорогами¹³. Жалобно охая, Светлана с трудом сползла на пол. Когда препарат начал действовать, медсестра сняла с нее веревки. Человека, уколотого сульфазинком, связывать не надо. Он и без того абсолютная развалина.

– Господи, за что?! – всхлипнула девушка, трясаясь в ознобе. Случайно взгляд ее упал на забытую нетрезвой «блондинкой» веревку. Вот выход! Вот!

– Прости, мама! – шепнула она, непослушными руками сворачивая петлю... Скрипнула дверь. Журавлева застонала в отчаянии. Опять небось гнусный извращенец явился! Вонючий, бородатый козел!

– Э-э, девочка! Не занимайся глупостями! – послышался приятный мужской голос.

---

¹² Сульфазинотерапия – при маниакально-депрессивном психозе используется только в исключительных случаях для борьбы с резистентностью (безрезультативностью применения антидепрессантов), и то лишь при условии хорошего физического состояния больного. Колоть сульфазин девушке, ослабленной кровопотерей, просто преступно.

¹³ Сульфазин, предназначенный, по идее, для очистки крови от шлаков, вызывает чрезвычайно болезненные побочные эффекты.

Подняв воспаленные слезящиеся глаза, Света увидела незнакомого, высокого, статного парня в белом халате санитаря. «Молодой, немногим старше меня, а виски седые», – с вялым удивлением отметила она. Между тем санитар поднял начинающую поэтессу на руки, бережно положил на кровать и укрыл одеялом.

– Сульфой укололи? – спросил он.

– Да-а-а.

– За что?!¹⁴

– Ты мне не поверишь!

– Почему же. Поверю! – спокойно возразил незнакомец. – Но сперва прими анальгин, – он протянул Журавлевой две таблетки. – Глотай, глотай. Полегчает¹⁵.

– Итак, что произошло? – повторил вопрос санитар, когда девушка послушно проглотила лекарство.

Внезапно Светлану обуяли нехорошие подозрения: «Интересно, откуда этот доброхот нарисовался?! Может, бородатым садюгой подослан?! Точно! Наверняка подослан! Они тут все заодно! Расскажу, а мне двойную дозу всадят в отместку. Провокаторы!»

– Ничего не произошло, – грубо ответила Журавлева, прожигая санитаря ненавидящим взглядом. – Жить не хочу! В любом случае удавлюсь!

– Врешь ты все! – укоризненно покачал головой парень. – Ей-Богу, врешь! Но раз удавиться собираешься, придется тебя от греха подальше к койке привязать. До утра. Не обижайся. Ты потом мне сама спасибо скажешь...

Покинув палату незадачливой самоубийцы, Владимир Ермолов зашел в туалет для медперсонала, закурил сигарету, присел на подоконник и задумался. Выполняя данную бывшему командиру клятву, он третью неделю работал санитаром в ПНД № 3, но подробности гибели Ольги Свиридовой выяснить до сих пор не сумел. Зато твердо убедился – дело здесь нечисто! Царящая в лечебнице духовная атмосфера была, мягко говоря, гнусной. Врачи и медсестры относились к пациентам хуже, чем к животным. Здоровенные, тупомордые санитары безжалостно избивали несчастных психов за ничтожную провинность. Все воровали в меру возможностей. Повара – продукты, врачи – лекарства подороже, медсестры – подешевле, а санитары не гнушались отбирать у больных приносимые родственниками передачи. На Ермолова, не желавшего принимать участия в этих грязных делишках, остальные санитары смотрели как на белую ворону и однажды попытались устроить ему «темную». Бывший спецназовец, владевший приемами «Универсальной боевой системы» (а до службы в армии имевший черный пояс по карате и первый разряд по боксу), отметил их за милую душу. В процессе драки, занявшей от силы секунд десять, ему приходилось постоянно контролировать себя, дабы не убить кого ненароком. Владимир дрался вполсилы, избегая наиболее эффективных, но смертельно опасных приемов. Однако санитарам мало не показалось. Скуля и сплевывая выбитые зубы, они расползлись по углам зализывать раны и больше попыток нападения не возобновляли. Между ними и Ермоловым установился исполненный затаенной ненависти нейтралитет.

Врачи смотрели косо. Владимир не без оснований подозревал, что избитые «коллеги» стучат на него «как дятлы» по поводу и без него. Поэтому обращаться за разъяснениями к медперсоналу он не решался. Все равно ничего не скажут. Кроме того, любой из них мог оказаться причастен к смерти сестры капитана. Единственно, кто относился к Ермолову более-менее лояльно – была сорокапятилетняя медсестра Любовь Филипповна Козицкая, или попросту Любаня. Баба, в сущности, не злая, но большая любительница бутылки и невероятно похотливая, как дворняжка в период течки. Если переспать разок-другой с Филипповной, то, пожа-

---

¹⁴ Сульфазин зачастую колят в психиатрических лечебницах в виде наказания.

¹⁵ Анальгин отчасти нейтрализует болезненные побочные эффекты сульфазина.

луй, можно выудить из нее какую-нибудь информацию, однако Владимир пока не чувствовал себя готовым к такому подвигу и решил оставить этот вариант на самый крайний случай. Он пытался осторожно расспрашивать больных, но те либо практически ничего не соображали, либо упорно не желали идти на контакт, замыкались в себе. Правда, сейчас благодаря светловолосой девчонке из отдельной палаты, пытавшейся удавиться, ему, кажется, удалось нащупать какую-то зацепку. Ермолов узнал про нее от пьяной Филипповны. Он видел, как Козицкая, едва не подавившись «огненной водой», пулей умчалась из дежурного помещения на зов бородатого зама главврача. Медсестра отсутствовала долго, вернувшись, залпом хлобыстнула стакан водяры и занюхала коркой хлеба.

– Где ты бегала? – полюбопытствовал Владимир.

– Девке из шестнадцатой палаты сульфю всобачила, – равнодушно ответила Любаня.

– Зачем?

– Начальство велело. Впредь не будет выламываться, мандавошка!

– Выламываться? – насторожился Ермолов. – Объясни!

В мутных глазах Козицкой мелькнула тень подозрения:

– А тебе зачем?

– Да так просто, – невинно улыбнулся Владимир. – Приятно поболтать с красивой женщиной!

– Дерябнем по сто грамм в интимной обстановке?! – оживилась Филипповна, жадно раздевая взглядом мускулистую фигуру бывшего спецназовца.

– Потом, Любаня, потом, – поспешил отказаться Ермолов, догадываясь, куда клонит любвеобильная медсестра. – Мне еще надо учебник полистать. К завтрашнему семинару подготовиться!

Оставив разочарованную Козицкую беседовать с бутылкой, он наведлся в шестнадцатую палату, успел предотвратить попытку самоубийства, но, как помнит читатель, ничего конкретного добиться от девушки не смог. Между тем Владимир заметил свежий кровоподтек на щеке Светланы и багровые следы на шее, будто ее душили. Вот тут-то у него в душе и зашевелились смутные подозрения. Сульфю приказал вколоть «борода» (так Владимир мысленно окрестил Кудряшкина). Вколоть за то, что, по выражению Козицкой, «мандавошка выламывалась». Опять же кровоподтеки, намерение свести счеты с жизнью. Весьма похоже на случай с Ольгой. Надобно навести подробные справки об этом лекаре... Выбросив окурки, Ермолов направился в общий отсек «Острого отделения», представлявший собой нечто вроде загон для скота, заставленного множеством кроватей с несвежим бельем. Когда-то давно, в советские времена, мужчин и женщин содержали порознь. Теперь же, в эпоху разнузданной российской псевдодемократии, это правило в некоторых больницах похерили, ссылаясь на отсутствие свободных койкомест. Зрелище, представлявшееся взору человека, попавшего в общий отсек «Острого отделения», поразительно напоминало сюрреалистические картины безумных живописцев Франциско Гойи и Винсента Ван Гога¹⁶. Всклоченные пациенты с землистыми лицами, облаченные в ветхие, замызганные пижамы неопределенного цвета, бродили (если не были прикручены к кроватям) по узким проходам между койками, бормоча неразборчивую чушь. Иные вопили и визжали на разные голоса, другие бессмысленно тарасились в пустоту оловянными глазами. В воздухе висел густой смешанный запах хлорки, нездорового пота и человеческих испражнений. В дальнем углу отсека группировались несколько молодых ребят, «косящих» от армии. Они держались настороженно и спали по очереди, не без оснований опа-

---

¹⁶ Гойя и Ван Гог страдали серьезными психическими расстройствами. В частности, Винсента Ван Гога постоянно преследовали кошмарные галлюцинации (см. Л. Фейхтвангер. Гойя, с. 484 – 485), а Ван Гог в припадке безумия отрезал себе бритвой правое ухо и аккуратно упаковал в бумагу (см. И. Стоун. Жажда жизни, с. 404). О душевном состоянии этих художников красноречиво свидетельствуют их собственные картины. Например: В. Ван Гог. – «Мужское отделение психиатрической больницы в Але», Ф. Гойя – «Дом умалишенных», «Сон разума порождает чудовищ», «Сурки» и т. д.

саясь внезапного нападения «буйных». С ними-то и собирался потолковать Ермолов. Лавируя между кроватями и разгуливающими по отсеку сумасшедшими, он уже почти добрался до «косил», как вдруг кто-то цепко ухватил его за полу халата.

– Привет, сержант, – услышал он дребезжащий тенорок. – Не слишком приятное местечко, а?! В «Шанхае» под Грозным было все же поуютнее! Разве нет?!

Владимир резко обернулся. На него, кривляясь, смотрел невзрачный, лысенький, абсолютно незнакомый мужичонка лет пятидесяти с лишним...

Глава 3

Психиатрия не способна убедительно объяснить происходящее. Претендующая на роль науки, она является лишь феноменологией, собирательницей из ряда вон выходящих фактов... Священник Родион пишет:

– Мне приходилось не раз посещать психиатрические больницы, где наряду с душевнобольными содержатся и бесноватые. Современная безбожная психиатрия не умеет отличать больного от одержимого.

Юрий Воробьевский. Путь к Апокалипсису. Стук в Золотые врата

Психиатры к бесноватым относятся как к людям с обычными повреждениями психики. «Лечат» их таблетками и уколами.

Священник Григорий Вахромеев. Оружие на дьявола. Как защититься от чародеев

Ермолов опешил. Он был уверен на двести процентов, что никогда прежде не встречал этого человека, тем более в Чечне. Откуда лысый знает о базе под Грозным? Да еще сравнивает с «общим отсеком»?.. Владимир перенесся мыслями в прошлое: комфортом база не отличалась. Строили ее на скорую руку из подручных средств: брезента, кусков шифера с разбитых домов, досок от снарядных и патронных ящиков, списанных кузовов, тентов и прочих отходов войны. Солдаты прозвали базу «Шанхаем». В дождливую пору расположенный на жирном черноземе «Шанхай» превращался в непролазную топь. Пройдет мимо машина, и ты в грязи по уши. Мыться негде, а оттираться бессмысленно. Глубже вотрешь. Жди, пока засохнет да само отвалится... После взятия Грозного и Гудермеса разведрот под командованием капитана Свиридова воевала в горах, а сюда возвращалась на отдых на «улицу» Спецназовская. Да, в «Шанхае» имелись и названия «улиц»: Дзержинская (где расквартировывались бойцы дивизии имени Дзержинского), Штабная, Госпитальная¹⁷

---

¹⁷ Описание базы под Грозным, сделанное воевавшим в Чечне офицером-спецназовцем. См.: журнал «Русский дом», 1998 г., № 6, с.5.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.